

УДК 821.161.1

**«Раздвинув границы познания человека»:
Василий Шукшин в англоязычных культурах**

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Южный Федеральный университет,
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется восприятие творчества великого русского писателя и кинематографиста В. Шукшина в США и Великобритании. Оно передаёт сложность контактов, определённых межгосударственных отношений с Россией в XX-XXI веках, позволяет выявить основные закономерности культурного диалога двух цивилизаций. В наследии Шукшина проявляется активный гуманизм отечественной художественной культуры, её всемирная отзывчивость и искусство правды жизни. Для англоязычной аудитории Шукшин-художник занял своё заслуженное место в галерее славы русской культуры.

Ключевые слова

Англоязычная аудитория, галерея славы, всемирная отзывчивость, искусство правды жизни, диалог цивилизаций, закодированный смысл рассказов, воля через песню, языковое своеобразие.

Введение

«Культурный фактор» в истории взаимосвязей России XX-XXI ве-

ков с англоязычным миром – прежде всего лидерами Запада США и Великобританией – позволяет исследовать как специфику восприятия в нём

В. Шукшина-художника, так и переключку цивилизаций, подвергавшихся за два последних столетия самым решительным трансформациям. Она хранит память о прямом взаимодействии наций, хранит заветы тех, кто через годы обращался к современникам, сегодняшнему тревожному для России времени.

В сложной и неоднозначной социокультурной жизни США, Великобритании и других англоязычных странах 1970-х годов начинал Василий Шукшин свой содержательный диалог с различного рода концепциями, длящийся до сих пор. Восприятие его реалистического искусства иными культурами представляет собой эстетические системы, национальная специфика которых выступает со всей отчетливостью при историко-функциональном подходе. Большой писатель и кинематографист получил признание в период своеобразного «ренессанса», последовавшего за его вторым открытием (1979) на Западе. Как следствие определенного потепления в отношениях сверхдержав, тогда значительно возрос интерес к русской культуре, особенно писателям-классикам современной России – М. Горькому, Л. Леонову, М. Шолохову, А. Платонову, В. Распутину... «И очень популярен

Шукшин. Его кинофильмы и его проза. Мой курс так и называется – «От М. Горького до В. Шукшина», – свидетельствовал профессор русской филологии Р. Дж. Лагер из университета Джорджтауна¹, обозначая сферу повышенного внимания к художнику: студенческие и преподавательские круги, творческая интеллигенция. С коллегой солидаризовалась Ж. Уолл из Говардского университета: «Шукшин становится феноменом в любой стране, являясь лучшим литературным талантом времени»².

Начало шукшиноведения в США и Великобритании

«Американский Шукшин» начался при жизни автора с публикации сборника избранных рассказов «Охота жить» в двух изданиях («Прогресс», 1973, 1978), подготовленного известным английским переводчиком Р. Даглишем, среди профессиональных достижений которого – собрание сочинений М. Шолохова в восьми томах. Прогрессивные силы в американском

1 Овчаренко А.И. Размышляющая Америка // Новый мир. – 1976. – № 11. – С. 210.

2 Woll J. A soviet writer above ground // New leader. – Vol. 62. – № 4. – N.Y., 1979. – P. 19.

обществе вели последовательную борьбу за объективную информацию и интерпретацию не только политических, но и культурных явлений. Так, в газете американских коммунистов «Дейли уорлд» приводилась рецензия профессора Т. Фоли на упомянутый сборник рассказов, открывший первую страницу англоязычного и *американского шукшиноведения*. «Шукшин практически неизвестен в Америке, – не без сожаления отмечал критик, – а ведь он – один из крупнейших современных советских писателей, широко популярный в СССР. Рассказы в этой книге потрясут всех, кто следит за советской литературой, и всех без исключения буржуазных критиков... Уверен, что всякий, кто прочитает эту книгу, почувствует, как она разрушила кое-какие иллюзии. Советский Союз достаточно хорош, чтобы смотреть на него без иллюзий, и именно этой положительной реальности посвящены рассказы в этой книге»³. Думается, их особое значение в американском восприятии заключено в объективном изображении российской жизни, русского культурного архетипа, в социально-политическом аспекте звучания. Такого же мнения придержи-

3 Foley Th. Stories of Soviet life // Daily World. – N.Y., 1974. – July 31. – P. 8.

вался и Р. Даглиш: «Его работа убедительно достоверна и глубоко уходит корнями в собственный опыт»⁴.

Американо-английский «багаж» Шукшина, кроме публикаций в антологиях современной русской литературы, состоит на сегодняшний день из книг избранной прозы: «Охота жить» (Москва, 1973, 1978), «Калина красная» и другие рассказы» (Нью-Йорк, 1979), «Ноль-ноль целых» и другие рассказы» (Лондон, 1984, 1994), «Публицистика» (Москва, 1986), «Рассказы» (Москва, 1990), «Рассказы из сибирской деревни» (Иллинойс, 1996, 2002).

Судьба Шукшина-художника в США и Великобритании – лидерах Запада – была и остаётся весьма непростой: вокруг его многообразного творчества никогда не утихала в годы «холодной войны» и после ее «окончания» острая политико-идеологическая конфронтация, ведущаяся отработанными в течение долгих десятилетий приёмами: замалчиванием, прямыми запретами, фальсификацией и клеветой. В частности, крупный английский писатель Ч.П. Сноу выказал глубокую озабоченность сокращением

4 Daglish R. Vassily Shukshin: Writer, director, actor // New world review. – N.Y., 1975. – Vol. 43. – № 5. – P. 27.

публикаций переводной литературы на Британских островах. «У нас ещё есть время вернуть себе прежнюю восприимчивость и с открытым сердцем обратиться к литературам других стран, как делали это наши предшественники: больше переводить и способствовать распространению переведённых книг»⁵. Новые политические подходы к международным делам в 1990-е годы придали дополнительные осложнения в культурных взаимосвязях двух стран.

«Калина красная» и другие рассказы (1979)

Американский сборник «Калина красная» и другие рассказы» (1979), одна из лучших публикаций Шукшина на английском, появился в издательстве «Ардис» как проявление научного внимания к большому русскому писателю и, вместе с тем, как реакция на громкий успех одноименной киноверсии после демонстрации на западном экране, активной дискуссии о ней в критике.

Издание знаменитой киноповести и одиннадцати рассказов

под общей редакцией профессора Д.М. Фини впервые снабжено научным аппаратом: хронологией жизни и творчества Шукшина, его фильмо- и библиографией, примечаниями переводчика и тремя критическими статьями. В кратком предисловии редактор-составитель затронул всегда сложные проблемы перевода шукшинских произведений, его американскую и английскую специфику. В этой связи свою задачу Д. Фини видел ещё и в том, чтобы «разговорная речь в переводе звучала для американского читателя правдоподобно, не была зависима от современного диалекта или сленга, нерусскому читателю нужно постоянно напоминать, что голос автора в оригинале звучит иначе, чем в переводе»⁶. Как известно из мировой практики, переводить прозу Шукшина на иностранные языки весьма не просто, но по-настоящему увлечённые магией его слова талантливые профессионалы преодолевают межъязыковые и межкультурные барьеры, добиваясь признанного успеха. Вызывает одобрение и тот факт, что английский «акцент» переводчика и слависта Дж. Хоскинга редактором сознатель-

5 Сноу Ч.П. Что могут гуманисты? // Писатели Англии о литературе. – М., 1981. – С. 389.

6 Fiene D.M. Preface // Shukshin V. Snowball Berry Red and other stories. – N.Y., 1979. – Pp. I-VIII.

но «не был полностью устранен с той целью, чтобы британцы тоже могли читать Шукшина»⁷. Редкая для американской и английской славистики благожелательность Д. Фини проявляется и в том, что «эта книга достаточно достоверна и вызовет у других переводчиков и редакторов на Западе желание опубликовать остальные произведения этого замечательного художника»⁸.

В приложении к названному изданию помещена статья-комментарий Д. Фини, посвященная «Калине красной». Киноповесть в английском переводе – «возможно, не хуже оригинала», «исключительно русское произведение, за что высоко оценивается с литературной точки зрения»⁹. Особое внимание, по мнению слависта, вызывает «реакция русских на это произведение и причина невероятной популярности одноименного фильма в Советском Союзе»¹⁰. С точки зрения лингвиста, Шукшин придавал речи Егора Прокудина индивидуальный характер, что и создало основные трудности при пере-

воде. Что касается некоторых отклонений от норм языка, то подбирались английские эквиваленты в стиле автора.

Закономерно приходит Фини к пониманию популярности Шукшина, обусловленной возросшим за рубежом интересом к «деревенской прозе» с её впечатляющим социокультурным срезом. Эрудированный критик пронизательно почувствовал «закодированного» писателя, что дало ему основание утверждать о «проявлении недовольства политической системой»¹¹. Фини разделяет точку зрения Даглиша, видевшего в Егоре «фигуру русского Христа», и утверждает, что Люба Байкалова символизирует «идеализированную Россию и Деву Марию»... Трудно говорить об элементах христианства в эстетике Шукшина, так как он выражает их через аллюзию, символ, аналогию и аллегория. Его гуманистическая позиция в «последнем и величайшем произведении заслуживает уважения»¹².

Творчество Шукшина в оценках англоязычной русистики и советологии

Справедливо фиксируя неоспоримый факт, что «изучение произведе-

11 Ibid. – P. 204.

12 Ibid. – P. 211.

7 Ibid.

8 Ibid. – P. III.

9 Fiene D.M. Vassily Shukshin's Kalina Krasnaja. Translators Notes // Shukshin V. Snowball Berry Red and other stories. – N.Y., 1979. – P. 200.

10 Ibid. – P. 203.

ний Шукшина остается до сих пор в Америке неглубоким, большей частью тематическим»¹³, серьезный исследователь и переводчик русского писателя Дж. Гивенс не анализировал причин такого незавидного положения американской русистики. Причиной сего являлись вирусы традиционной русофобии и антикоммунизма в так называемой «советологии», во многом поразившие западное сознание и академическую науку, что не могло не привести к печальным результатам: вместе с водой выплескивали и ребёнка...

Хотя кинематографисты Голливуда «о Шукшине ещё не слышали»¹⁴ даже в 1978 году, его имя часто упоминалось в книгах и статьях советологов разных поколений – Э.Дж. Брауна, Д. Брауна, М. Слонима, Д. Хоскинга, М. Хейворда, Р. Хингли и других. В их работах русский писатель всегда назывался в обойме представителей «деревенской прозы» Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, К. Носова. Лишь некоторые из исследователей – Э.Дж. Браун, Д. Хоскинг, К. Партэ – обоснованно выводили Шукшина за её пределы. Так,

13 Творчество В.М. Шукшина: Поэтика. Стилль. Язык. – Барнаул, 1994. – С. 188.

14 Каплер А. О Шукшине они ещё не слышали: У кинематографистов США // Сов. культура. – 1978. – 6 янв. – С. 6-7.

Э.Дж. Браун подчёркивал, что Шукшин «сильно отличается от них благодаря своей многообразной тематике и разносторонности дарования», наполняя их «важным социальным и духовным содержанием»¹⁵. Излюбленными темами работ о художнике в англоязычном мире представляли: оппозиция «деревня-город», поверхностная фиксация шукшинского героя-чудика, скандалисты как нарушители общественного спокойствия, шукшинский мир как отражение советского общества и его истории, идея воли в его произведениях.

Безусловно, предвзятость и предубеждённость не могут всегда сопровождать рецепцию русской культуры в США и других странах Запада. В частности, дискуссия о соцреализме, его эстетике, генезисе и эволюции, развернувшаяся на страницах англо-американской советологической печати в 1980-е годы – ещё одно свидетельство того, что современная советология, хотя и не избавилась полностью от своих «родимых пятен», уже не представляет собой единого целого: в ней наметились различные направления и тенденции, среди которых объективность и науч-

15 Brown E.J. Russian literature since the revolution. – W., N.Y., 1973. – P. 293.

ность в оценке тех или иных явлений российской культуры начинает занимать видное место.

Новое и старое в англоязычной критической мысли о Шукшине переплелось самым причудливым образом. В развернутой статье-предисловии к упомянутому американскому сборнику «Проза Василия Шукшина» Д. Хоскинг рассматривает в бóльшей степени *социокультурную атмосферу* в советском обществе и отображение её в творчестве писателя. При этом его анализ не лишён упрощенческих подходов, спорных констатаций и стремления к преимущественно тематической классификации шукшинской прозы. К примеру, исследователь уверяет: «Мир Шукшина-рассказчика состоит в том, что он даёт возможность героям своих рассказов говорить самим за себя». Справедливо отмечая, что главный герой фильма «Калина красная» принес Шукшину-автору и актёру всемирную известность», славист, не колеблясь, считает Прокудина «классическим примером жертв социальных процессов в стране», «время раскулачивания, вероятно, можно сравнить с безработицей 30-х годов в Америке и Великобритании»; «коллективизация, раскулачивание и голод – те социальные явления, с позиций которых должна рассма-

триваться жизнь Егора»... Явные вульгарно-социологические выкладки, трафаретные суждения о неоднозначно сложной личности Прокудина свидетельствуют о поверхностном прочтении и определённом непонимании философского звучания его судьбы и человеческой трагедии, других шукшинских персонажей¹⁶. «На протяжении всей повести Егор предстает перед нами как человек, не способный ни с кем установить прочные отношения, хотя он этого и не очень хочет». Прокудин «дает выход своим чувствам только в песне или в нелепой исповеди березкам»¹⁷. Чем больше читаешь Шукшина, уверяет Хоскинг, тем лучше начинаешь понимать, что «большинство его героев коротких рассказов жаждет воли». Данная продуктивная идея российского советолога-диссидента М. Геллера оказала сильное влияние на восприятие Шукшина в Америке, но она не получила своей реализации при анализе прозы автора. Весьма отраден, тем не менее, вывод исследователя: «В своих произведениях он затрагивает самые деликатные и сложные вопросы о роли человека в обществе. Как никто

16 Hosking G. The Fiction of Vasily Shukshin // Shukshin V. Snowball Berry Red and other stories. – N.Y., 1979. – P. 6.

17 Ibid. – P. 7.

другой из писателей, *он раздвинул границы его познания*¹⁸.

Статья Хоскинга о творчестве русского писателя впоследствии стала главой его книги «За пределами социалистического реализма. Советская проза после «Ивана Денисовича» (1980). В ней он предлагает некоторые новые идеи, подчёркивая автобиографичность шукшинского наследия. Однако не отражение изменений в обществе, а вечная тяга крестьян (или бывших крестьян) к «воле» – главная тема Шукшина-художника. Они хотят вырваться из «здесь и сейчас» и попасть в иной, воображаемый, мир свободы и совершенства»¹⁹. К концу жизни Шукшин, полагал критик, захвачен идеей литературы как отражения обществом самого себя. «Эта идея вела его к поиску новых форм, которые он разрабатывал, когда его жизнь вдруг оборвалась. Вместо рассказа-анекдота, тесно связанного с главным персонажем, он ввёл в свою прозу весомые элементы фантазии и сатиры, отстраняясь при этом от своих персонажей»²⁰. В подтверждение своей мысли Хоскинг приводит опре-

деление жанра «повесть-сказка», предпосланное «Точке зрения»: «сатира на советский литературный процесс»²¹. В последних произведениях Шукшина, утверждает он, открыто критикуется общество, утратившее свои идеалы или исказившее их. Но духовное опустошение, которое эта утрата повлекла за собой, постоянно ощущается во многом из того, что написано им. В данной работе раздумья Хоскинга о русском художнике выглядят более аргументированными и убедительными. Они дают основание надеяться, что научная мысль Америки отринет «прокрустово ложе» советологии и добьётся серьёзных успехов в освоении современной культуры России.

Новые англоязычные издания и реакция критики

«Одной из лучших последних публикаций русской литературы», выпущенной издательством «Ардис», назвала профессор Говардского университета Ж. Уолл выход книги «просто замечательных произведений»²². Рецензент давала соотечественникам общее

18 Ibid. – P. 8.

19 Hosking G. Beyond socialist realism: Soviet fiction since Ivan Denisovich. – L., 1980. – P. 170.

20 Ibid. – P. 76.

21 Ibid. – P. 177.

22 Woll J. A soviet writer above ground // New leader. – Vol. 62. – № 4. – N.Y., 1979. – P. 18.

представление о творческой личности русского писателя, резонно полагая, что в этом еще есть необходимость. «Не все литературные таланты в СССР зарываются в землю: среди лучших находится Шукшин»²³. По уже установившейся, за редким исключением, одноплановой традиции на Западе, Уолл относит писателя к «деревенщикам», а из богатейшей палитры шукшинских тем выделяет надуманную близорукой критикой оппозицию «деревня – город». Определённый свет на уровень восприятия Шукшина в англоязычных странах проливает и то, что «на Западе с уверенностью никто не может сказать, почему советские читатели столь высоко оценивают творчество Шукшина». Не признавая убедительной образную систему киноповести «Калина красная», Уолл, тем не менее, считает её экранизацию «большой удачей кинематографии СССР», а «писатель, которому удалось завоевать симпатии народа, становится феноменом в любой стране»²⁴. Справедливо сказано о том, что «небольшая доля критики общества всё-таки присутствует у Шукшина». Есть она в неприятии им «навороченного» административно-командной системой, в равнодушии её к красоте

23 Ibid.

24 Ibid. – P. 19.

исторического памятника архитектуры и попыткам рядового труженика сохранить её, равнодушии к лучшим душевным движениям персонажей. Несмотря ни на что, резюмирует русист, «Шукшин был очень талантливым писателем; русским повезло, что его разрешили печатать в СССР, а мы в свою очередь счастливы, что его произведения публикуются у нас»²⁵. Как видим, он обладает неоценимым свойством «наводить мосты» в диалоге с другой культурой, покоряя при этом умы и сердца её носителей.

Публикация британского сборника избранной прозы «Ноль-ноль целых» и другие рассказы» (Нью-Йорк, Лондон, 1984, 1994) существенно расширила знакомство с Шукшиным за счёт новых рассказов, повестей «До третьих петухов» и «Энергичные люди». Критика по обе стороны Атлантики живо откликнулась на появление его новой книги.

В рецензии Д. Коул вновь констатировалось, что «немногие американцы знают русского писателя, актёра и режиссера Василия Шукшина», но у себя на родине «у него огромное число поклонников»²⁶. Первое

25 Ibid.

26 The New York Times Book Review. – 1985. – June 25. – P. 22.

утверждение основывалось на том, что два американских и одно английское издания шукшинской прозы выпускались небольшими тиражами и почти сразу становились библиографической редкостью. В своей новой книге Шукшин «с большой симпатией изображает жизнь простых людей», его рассказы «остросюжетны и остроумны». Элегическое предисловие некогда популярного поэта Е. Евтушенко существенно «усилило резонанс о современной советской жизни»²⁷.

Влиятельный орган британских деловых кругов «Файнэншл Таймс» также откликнулась на книгу Шукшина, резонно заметив, что в его «простых рассказах о русской деревне говорится намного больше, чем кажется на первый взгляд»²⁸.

В лондонской «Таймс» критик Н. Шекспир (есть ещё такое имя на туманном Альбионе!) внёс несколько примечательных штрихов в «британский портрет» Шукшина. В своих рассказах «русский писатель смог отразить целую жизнь индивида», но запомнится такой – «его персонажей можно сравнить с незаметными героями Шекспира»... В богатой пали-

тре красок и приверженности правде, какой бы горькой и неудобной она ни была, проза автора «легка и груба, как холст художника»²⁹.

Последняя книга Шукшина, изданная в Америке – «Рассказы из сибирской деревни» (Иллинойс, 1996) в переводе супругов Л. Майкл и Дж. Гивенса, не только углубила понимание малого жанра русского писателя в английском мире, но, вместе с тем, помогла больше почувствовать и оценить его языковое своеобразие. Именно на этом акцентирует внимание рецензия Д. Рейфилда «Вызывающе независимый» в авторитетном литературном приложении к лондонской «Таймс». В противовес уничижительным приёмам советологов литературовед (его большая работа о Чехове недавно представлена в России) увидел в шукшинских рассказах прекрасный пример его прозы, где автор очень любит своих героев. Обрисовать каждый персонаж впечатляюще ярко писателю помогает обладание «взглядом режиссёра и слухом драматурга», что позволило «красочно изобразить жизнь в деревне». Магическая сила художника – в органическом единстве всех его ипостасей. По заключению переводчиков книги и критика Рейфилда,

27 Ibid.

28 Financial Times (Weekend F.T.). – L., 1985. – May 4. – P. 12.

29 The Times. – L., 1985. – May 2. – P. 11.

«Шукшин возродил жанр короткого рассказа, хорошо представленного в русской классической литературе»³⁰. Заметим, что данный жанр пережил бурный расцвет и в новейшей американской литературе, представленный именами М. Твена, Д. Лондона, О'Генри, Т. Драйзера, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера и других. Рецензент оценил в искусстве Шукшина талантливое продолжение традиций целой серии ранних чеховских рассказов, в которых характеры, воскрешённые 80 лет спустя, являются узнаваемыми перевоплощениями. Сравнивая между собой переводы его рассказов Даглиша, Майкл и Гивенса, критик справедливо резюмировал, что проза русского автора – более тонкая, чем какая-либо из версий: «возможно, его дух всё ещё смотрит на переводчика, который будет убеждать английского читателя в его гениальности»³¹.

Важнейшие англоязычные исследования творчества Шукшина

При всей глубине и серьезности идейно-политических, эстетических

и этических расхождений между американской и английской русистикой и российским литературоведением в XX веке нельзя недооценивать реальных достижений учёных западных стран в их занятии русской классикой и современной отечественной литературой. Многие из них поддерживают деловые контакты с научными учреждениями в России – университетами, библиотеками, архивами, музеями и т.д. В их практику вошло в настоящее время широкое освоение российской специальной научной литературы, а их собственный вклад в науку содействует как углублённому изучению русской культуры в англоязычных странах, так и укреплению российско-американских и иных культурных связей. За последние десятилетия общий характер американской русистики сильно изменился. Ослабли традиции культурно-исторической школы, воспринятые от дореволюционного русского литературоведения. Сильное влияние начали оказывать труды представителей русской формальной школы. Ведущую роль стала играть «новая критика», синтезирующая методологию русского формализма 1920-х годов с пражским структурализмом. Одна из характерных особенностей современной американской русисти-

30 Rayfield D. Cussedly independent // The Times Library Supplement. – L., 1997. – Aug. 8. – P. 28.

31 Ibid. – P. 29.

ки – её специализация, исследование не только важнейших произведений корифеев, но и глубинных процессов, требующих большого внимания к отдельным творческим этапам больших художников слова, к второстепенным писателям, эволюции жанров и литературным течениям. Наряду с советологами в американских и других западных университетах появилось немало серьёзных специалистов по русской литературе и – шире – культуре, с трудами которых сегодня нельзя не считаться.

Хотя многие проблемы творчества Шукшина остались в Америке нетронутыми, тем не менее, среди её филологов-славистов выделяется Д. Немец Игнашева, автор первой в США диссертации о русском писателе – «Песня и исповедь в рассказах В. Шукшина» (Чикаго, 1984) и нескольких статей о нём. Один из мотивов его прозы – тоска по воле, утверждает она в упомянутой диссертации и в развёрнутой статье «Искусство Шукшина: воля через песню», ссылаясь при этом на ряд российских и американских исследователей – Л. Аннинского, Л. Геллера, М. Геллера, Д. Хоскинга, Ст. Ле Флеминга, Р. Манна и других. У Шукшина редко не встретить персонажа, который в определенный мо-

мент не запел бы песню, не заиграл на каком-нибудь музыкальном инструменте, не затанцевал, наконец. Шукшинский певец, отмечает исследователь, есть ещё тот, кто хочет и стремится к воле... Концептуальная тема песни прослеживается во многих рассказах русского автора. В частности, фрагменты песни «приукрашивают» содержание и название его коротких историй: «И разыгрались же кони в поле», «В воскресенье мать-старушка», «Жена мужа в Париж провожала», «Вянет, пропадает», «Калина красная» и т.п. Стремление героя-певца к воле зашифровано в каждом конкретном рассказе со свойственной художнику многослойностью повествования³².

Немец Игнашева даёт пять слоёв-уровней, сопровождаемых схемой: автор; подразумеваемый автор; повествователь; певец-герой; другие персонажи в различных конкретных ипостасях (к примеру, общественный тип или роль бывшего, неудачного героя и т. п.). Желание, стремление или способность подняться вверх по жизненной лестнице – символический знак волевого достижения воли,

32 Nemeц Ignashev D. The Art of Vasilij Shukshin: Volya through Song // Slavic and East European Journal. – 1988. – Vol. 32. – № 3. – P. 419.

так как сам автор формирует собственный поиск в реальной жизни и творческой воле через художественный процесс – создание рассказа, повести или романа. Таким образом, автор тоже «поёт свою песню» посредством достижения собственной воли³³. Шукшин постоянно использует пение как выход из негативных эмоций. Он стал знаменитым в СССР и на Западе, прежде всего, как политический и социологический феномен.

Его деревенская тема, вместе с мнимым отсутствием интереса к форме, говорит о том, отмечает незаурядный знаток Шукшина в Америке, что социально-политическая и психологическая интерпретация стоят выше анализа техники. Для писателя, который внешне якобы «не заботится о форме», Шукшин уделяет слишком много внимания осмыслению стиля, качества и манеры его исполнения. Подтверждая свою концепцию ссылками на отдельные рассказы, Немец Игнашева особо выделяет «Стеньку Разина», в котором можно найти много качеств зрелой работы³⁴. Призвание Васёки как художника делает его предшественником различных певцов, танцоров, писателей и рассказчиков,

33 Ibid. – P. 420.

34 Ibid. – P. 418.

которые встречаются в его последних сборниках. «Песня, изображение ареста Разина – это на самом деле собственная песня Шукшина»³⁵. В «Стеньке Разине», как и в многочисленных рассказах, «песня», искусство функционирует как путь, по которому можно перейти границу реальности и достичь желанной воли. Д. Немец Игнашева использовала в своих построениях теоретический опыт «новой критики», опирающийся, в частности, на пражский структурализм в лице Л.Доложела.

Дж. Гивенс, учёный и переводчик, принадлежит к новому поколению американских исследователей творчества Шукшина. Весомость его работам придает серьёзное изучение шукшиноведения в России и на Западе, сотрудничество с Алтайским университетом в Барнауле, участие в традиционных Шукшинских чтениях на Алтае. В нескольких его статьях рассматривается экзистенциальная проблематика воли в рассказах русского писателя.

В монографии Д. Гивенса «Блудный сын: Василий Шукшин в советской культуре» (1998, 2000), первой на данную тему в англоязычном мире, в поле зрения правомерно находится важнейший хронотоп его прозы –

35 Ibid. – P. 424.

пространство между «деревней» и «городом», на котором развернулся основной конфликт жизни и творчества Шукшина с богатейшей и примечательной палитрой человеческих судеб. Есть в его работе, значительном достижении зарубежного шукшиноведения, и неприемлемые выводы. В частности, нельзя, думается, столь механически переносить писательскую иронию Шукшина и маргинальность одного из излюбленных его героев-типов на личность самого автора: «Шукшин – не деревенщик, но и не городской писатель», «его место в русской литературе находится на полпути между городской литературой и литературой, воспевающей деревню»³⁶. В том-то и величие Шукшина-художника, что он выразил национальное народное начало в своём творчестве («русскость», «российскость» в зарубежной терминологии), вознёсшее его в пантеон великих.

В статье «Святой Георгий в «Калине красной» Р. Манн из университета Вермонта останавливается на аллюзиях, связанные с христианским фольклором России, и тем самым расширяет американский взгляд на проблематику

наследия Шукшина. Искусные намеки на христианский фольклор Древней Руси в «Калине красной», полагает он, придают произведению более глубокое звучание. Более того, ссылки на христианство заставляют упомянутого Д. Фини рассматривать повесть Шукшина как *современную хагиографию*, смоделированную на жизни древних русских святых. Тем самым Р. Манн даёт своеобразный комментарий к статье самого Д. Фини.

Оба американских слависта утверждают, что Егор Прокудин – русский Христос: аллегорически он его ученик и невинная жертва в традиции святых Бориса и Глеба. Но в русской православной традиции христианин – не просто последователь Христа, но и его подражатель. Спаситься можно только через страдания в образе смиренного и страдающего Христа. Тени крестов, падающих на землю, когда Егор идёт через кладбище в начале повести, показывают его в образе Христа, распятого на кресте. Д. Фини и Р. Манн связывают прозвище героя «Горе» со скорбью Христа и подчёркивают, что слова Егора «где-то же надо, в конце концов, приткнуть голову» основываются на библейском стихе Евангелия от Матфея (8: 20): «И говорит ему Иисус: лисицы имеют

36 Givens J.R. The prodigal son: V. Shukshin in the soviet culture. – Washington, 1998. – P. 8.

норы и птицы небесные гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову».

Параллели, которые проводятся между Евангелием и хагиографией, вполне обоснованы. Шукшин, размышляет исследователь, судя по всему, имел в виду Христа (так же, как и святых мучеников Бориса и Глеба), когда рисовал портрет Егора Прокудина. Но очевидно, что прототипом Егора является святой Георгий, такой, каким он показан в русском фольклоре. Повесть Шукшина – «тихая мольба о том, чтобы более внимательно отнеслись к культурным ценностям старой России»³⁷.

Л. Морган из университета Квинсленда, называя Шукшина «гениальным советским писателем» в журнале австралийских и новозеландских славистов, анализирует субверсивный подтекст в его рассказах с использованием аллегорических элементов³⁸. Исследователь стремится найти более точные параметры для выявления в них глубинных смыслов, потаённых знаков его оппозиционности системе.

37 Mann R. St. George in Kalina Krasnaja // Slavic and East European Journal. – 1984. – Vol. 28. – № 4. – P. 445-454.

38 Morgan L. The Subversive Sub-text: Allegorical elements in the Short Stories of V. Shukshin // Australian Slavonic and East European Studies. – Melbourne, 1991. – Vol. 5. – № 1. – P. 59-76.

В этом смысле Морган разделяет мнение русского писателя Г. Горышина о том, что короткие рассказы Шукшина представляют собой тщательно закодированное отражение важных черт жизни советского общества.

Вспомнив его известную мысль о том, что человек умный и талантливый как-нибудь да найдет способ говорить правду, Л. Морган отмечает, что тематика шукшинских рассказов весьма усложнилась и дошла до *философских проблем*, включая историческую роль русской культуры, законность советского государства и судьбу советского человека. По этой причине многие имена в прозе писателя аллегоричны. Славист видит это в их русской типичности (ведь советские критики нередко подчёркивали, что герои Шукшина нетипичны). Литературное видение художника весьма значительно отличается от официально признанной модели. Он так искусно кодирует и зашифровывает большинство своих обличительных материалов, что возникает опасность верхоглядства при их анализе. Традиция использовать литературу как платформу для дискуссий на социально-политические темы привела к возрождению практики скрытой аллегории («Генерал Малафейкин», «Мнение», «Упорный» и др.).

Заключение

Подводя некоторые итоги восприятия творчества Шукшина-писателя и кинематографиста в англоязычных странах, следует, прежде всего, отметить его широкий резонанс в университетских кругах, что является важным залогом углубления интереса к нему русистики. Он остаётся в поле зрения серьёзных литературоведов и специалистов по русской культуре вне зависимости от политического климата в современном мире. В американском сознании Шукшин участвовал в создании честной, написанной «изнутри» хроники трагедий советского общества, по праву являясь видным историком России. Восприятие художественного наследия Шукшина критикой и славистикой США и Великобританией передает как всю неоднозначную сложность контактов, определяемых политическими межгосударственными отношениями с Россией в XX и XXI веке, так и позволяет выяснить основные закономерности диалога двух цивилизаций. В его многообразном творчестве проявляется активный гуманизм русской художественной культуры, её «всемирная отзывчивость» (Ф. Достоевский) и «искусство правды жизни» (М. Шолохов),

которые русский реализм триумфально пронесит через всю свою историю.

С публикацией новых переводов «выдающегося искусства Василия Шукшина» (Д. Фини) становится ясно, что для англоязычной аудитории он занял своё заслуженное место в галерее славы русской литературы и искусства.

Библиография

1. Каплер А. О Шукшине они ещё не слышали: У кинематографистов США // Сов. культура. – 1978. – 6 янв. – С. 6-7.
2. Овчаренко А.И. Размышляющая Америка // Новый мир. – 1976. – № 11. – С. 195-233.
3. Сноу Ч.П. Что могут гуманисты? // Писатели Англии о литературе. – М., 1981. – С. 389-390.
4. Творчество В.М. Шукшина: Поэтика. Стиль. Язык. – Барнаул, 1994. – 210 с.
5. Brown E.J. Russian literature since the revolution. – W., N.Y., 1973. – 413 p.
6. Daghish R. Vassily Shukshin: Writer, director, actor // New world review. – N.Y., 1975. – Vol. 43. – № 5. – P. 26-40.
7. Fiene D.M. Preface // Shukshin V. Snowball Berry Red and other stories. – N.Y., 1979. – P. I-VIII.

8. Fiene D.M. Vassily Shukshin's Kalina Krasnaja. Translators Notes // Shukshin V. Snowball Berry Red and other stories. – N.Y., 1979. – P. 200-214.
9. Givens J.R. The prodigal son: V. Shukshin in the soviet culture. – Washington, 1998. – 268 p.
10. Financial Times (Weekend F.T.). – L., 1985. – May 4. – P. 12.
11. Foley Th. Stories of Soviet life // Daily World. – N.Y., 1974. – July 31. – P. 8.
12. Hosking G. Beyond socialist realism: Soviet fiction since Ivan Denisovich. – L., 1980. – 260 p.
13. Hosking G. The Fiction of Vasily Shukshin // Shukshin V. Snowball Berry Red and other stories. – N.Y., 1979. – P. 3-21.
14. Mann R. St. George in Kalina Krasnaja // Slavic and East European Journal. – 1984. – Vol. 28. – № 4. – P. 445-454.
15. Morgan L. The Subversive Sub-text: Allegorical elements in the Short Stories of V. Shukshin // Australian Slavonic and East European Studies. – Melbourne, 1991. – Vol. 5. – № 1. – P. 59-76.
16. Nemeč Ignashev D. The Art of Vasilij Shukshin: Volya through Song // Slavic and East European Journal. – 1988. – vol. 32. – № 3. – P. 415-427.
17. Rayfield D. Cussedly independent // The Times Library Supplement. – L., 1997. – Aug. 8. – P. 28-29.
18. The New York Times Book Review. – 1985. – June 25. – P. 22.
19. The Times. – L., 1985. – May 2. – P. 11.
20. Woll J. A soviet writer above ground // New leader. – Vol. 62. – № 4. – N.Y., 1979. – P. 18-19.

"He has expanded human frontiers of knowledge":

V. Shukshin in English-language cultures.

Stopchenko Nikolay Ivanovich

Doctor of Culturogy, professor,
Southern Federal University,

P.O. Box 344006, Bolshaya Sadovaya st., 105, Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The article examines the perception of works of the great Russian writer and filmmaker V. Shukshin in the U.S. and the UK. It conveys the complexity of the contacts identified by bilateral relations with Russia in the XX-XXI centuries, and can reveal the basic laws of the cultural dialogue between the two civilizations. In the heritage of Shukshin the author reveals the manifested active humanity of national artistic culture, its universal responsiveness and the truth of life in the world of art.

For English-speaking audience Shukshin-artist took his rightful place in the gallery of fame of Russian culture. Summing up the perception of creativity of Shukshin-writer and filmmaker in the English-speaking countries, it should be, above all, to note its considerable attention in the academic circles, which is an important key to the deepening of interest in his studies in Russia. He remains in the field of view of the serious literary critics and experts on Russian culture, regardless of the political climate in the world today. In the American consciousness Shukshin has been involved in creating a fair, written from the "inside" chronicles of the tragedies of Soviet society, being indeed an eminent historian of Russia. The perception of artistic heritage of Shukshin in criticism and Slavic in U.S. and the UK as a whole conveys the complexity of contacts controversial defined interstate political relations with Russia in the XX and XXI century and allows us to determine the basic ways of a dialogue between two civilizations. His diverse works show the active humanity of Russian culture, its "world-wide responsiveness" (F. Dostoevsky) and the "art of the truth of life" (Sholokhov), which carries Russian realism triumphed over its entire history.

Keywords

English-language audience, glory gallery, responsiveness to the world's problems, the art of depicting life realities, dialogue between civilizations, the coded meaning of stories, will through songs, linguistic identity.

References

1. Brown, E.J. (1973), *Russian literature since the revolution*, N.Y., 413 p.
2. Daglish, R. (1975), "Vasily Shukshin: Writer, director, actor", *New world review*, N.Y., Vol. 43, No. 5, pp. 26-40.
3. Fiene, D.M. (1979), "Preface", in Shukshin, V. *Snowball Berry Red and other stories*, N.Y., pp. I-VIII.
4. Fiene, D.M. (1979), "Vassily Shukshin's Kalina Krasnaja. Translators Notes" in Shukshin, V. *Snowball Berry Red and other stories*, N.Y., pp. 200-214.
5. Financial Times (Weekend F.T.). L., 1985, May 4, p. 12.
6. Foley, Th. (1974), "Stories of Soviet life", *Daily World*, N.Y., July, 31, p. 8.
7. Givens, J.R. (1998), *The prodigal son: V. Shukshin in the soviet culture*, Washington, 268 p.
8. Hosking, G. (1979), "The Fiction of Vasily Shukshin", in Shukshin, V. *Snowball Berry Red and other stories*, N.Y., pp. 3-21.
9. Hosking, G. (1980), *Beyond socialist realism: Soviet fiction since Ivan Denisovich*, Leningrad, 260 p.
10. Kapler, A. (1978), "They have not heard of Shukshin: meeting USA filmmakers" ["O Shukshine oni eshche ne slyshali: U kinematografistov SShA"], *Sovetskaya kul'tura*, January, 6, pp. 6-7.
11. Mann, R. (1984), "St. George in Kalina Krasnaja", *Slavic and East European Journal*, Vol. 28, No. 4, pp. 445-454.
12. Morgan, L. (1991), "The Subversive Sub-text: Allegorical elements in the Short Stories of V. Shukshin", *Australian Slavonic and East European Studies*, Melbourne, Vol. 5, No. 1, pp. 59-76.
13. Nemeč Ignashev D. (1988), "The Art of Vasilij Shukshin: Volya through Song", *Slavic and East European Journal*, Vol. 32, No. 3, pp. 415-427.
14. Ovcharenko, A.I. (1976), "Reflecting America" ["Razmyshlyayushchaya Amerika"], *Novyi mir*, No. 11, pp. 195-233.
15. Rayfield, D. (1997), "Cussedly independent", *The Times Library Supplement*, London, Aug., 8, pp. 28-29.
16. Snou Ch.P. (1981), "What can humanists do?" ["Chto mogut gumanisty?"], in *Writers on the literature of England [Pisateli Anglii o literature]*, Moscow, pp. 389-390.

17. *The New York Times Book Review*, 1985, June, 25, pp. 22.
18. *The Times*, London, 1985, May, 2, p. 11.
19. V.M. Shukshin's works: The Poetics. Style. Language. [*Tvorchestvo V.M. Shukshina: Poetika. Stil'. Yazyk*], Barnaul, 1994, 210 p.
20. Woll, J. (1979), "A soviet writer above ground", *New leader*, Vol. 62, No. 4, N.Y., pp. 18-19.